

«ЛЕЙТОБРАЗ» ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

В теории лирического цикла, по мнению И.В. Фоменко, важное место занимают «универсальные циклообразующие связи», существенную роль в создании которых играет «лейтобраз»: «В самофм общем виде суть явления заключается в том, что определенное слово... повторяясь в отдельных стихотворениях цикла, не только устанавливает между ними прочную и гибкую связь, но и влияет на идейно-художественное своеобразие целого» [7, с. 56]. На наш взгляд, «лейтобраз» более целесообразно рассматривать не только в отдельно взятом цикле, но и на протяжении всего поэтического творчества Г.Иванова. Актуальным является именно процесс создания и эволюции «лейтобраз», который во многом определяет появление лирических циклов в творчестве зрелого поэта. «Лейтобразом» лирики Г.Иванова является «роза». Образ-символ «розы» широко распространен в мировой культуре и обладает множеством толкований: символ любви, страсти, женственности, эмблема тайны и смерти. Такая популярность цветка объясняется его несомненной красотой, воспетой еще поэтами Древнего Востока. «Роза» является исключительно значимым образом-символом для творчества многих поэтов, как в русской, так и в зарубежной литературе. Вот лишь небольшой список авторов: А.С.Пушкин – восточная роза, возлюбленная соловья, нарисованная в «Бахчисарайском фонтане» и в стихотворении «Соловей и роза», Д.Веневитинов «Три розы», А. Блок драма «Роза и Крест», Н.Гумилев «Две розы», «Роза», У.Б.Йейтс «Тайная роза», У.Эко «Имя розы». По причине столь

широкого «использования», богатой истории, за символом закрепились устойчивые, «идиоматичные» значения, которые можно «прочитать» у многих поэтов и писателей. Г.Иванов, на первый взгляд, традиционен в изображении «розы» в своих произведениях. Однако семантика ивановского образа «розы» «расширяется»: представляет в «свернутом» виде центральные темы, мотивы творчества (в частности, эмигрантского): вечности, воскрешения, жизни и смерти, поэта и поэзии, – и отражает процесс формирования художественного мира автора.

В лирике Г.Иванова образ «розы» доминирует, но в раннем периоде он обозначен предметной деталью: украшением, изображением, изваянием или «реальным» цветком: «две розы, шаль, расшитая пестро», «влетели ангелы, разбрасывая розы», «все в узоре льдистых роз», «неувядающие розы», «розы, которые в мире цвели». Такое функционирование образа на данном этапе творчества обусловлено акмеистическими тенденциями. Поэт, находясь в бурном «потоке» литературных направлений, избирает в начале эгофутуризм, а затем постепенно переходит на позиции акмеизма. Г.Иванов-акмеист создает произведения, в которых в словесных вариантах «кодируются» произведения визуальных видов искусств: живописи, архитектуры, театра. Но поэзия данного периода носит «описательный» характер, Г.Иванов, по выражению Н.Гумилева, «не мыслит образами». За внешней стройностью, «красивостью» стихов, трудно и почти невозможно обнаружить авторское «я», оно как бы растворяется в «чужих» картинах. Автор с поразительными подробностями описывает вазы, чашки, фонтаны. Но эти, порой, случайные предметы, не несут никакой семантической нагрузки. Возникает ощущение, что Г.Иванов совершает те же движения, что и художник, расписывающий тот или иной предмет. Но рисунок остается рисунком, изображением, «жизнь» которого не выходит за грань мира, созданного ранее кем-то другим. И «роза» составляет неотъемлемую часть ивановских «картин», как, например, в стихотворении «Венецианское зеркало старинное»:

Венецианское зеркало старинное
 Вкруг фарфоровыми розами увитое...
 Что за мальчик с улыбкой невинною
 Расправляет крылышки глянцевиные
 ...
 Юноша лежит, стрелою раненный,
 Девушка напротив – улыбаётся.
 Оба – любовью отуманены...
 Розы над ними сгибаются [4, с. 66]
 (Здесь и далее – курсив наш).

Поэт, таким образом, настраивается на «повышенную» эстетизацию искусства, преподнося поэзию в «чистом», гармоничном виде. Г.Иванов, как истинный художник «вчувствуется» в предмет, искусно выбирая «краски» для его изображения. Увиденное передается поэтом в стихотворной форме в мельчайших деталях. Великолепие линий, звуков и красок воплощается в стихотворениях с помощью различных поэтических средств: сравнений и метафор, как, например, в стихотворении «Она застыла в томной позе...»: «...фонтан дробится, // Звуча, как лепет райских арф», «...облаком клубится // Ее зеленоватый шарф...»:

Она застыла в томной позе,
 Непринужденна и легка.
 Нежна улыбка. К чайной розе
 Простерта тонкая рука.

Глядит вдали фонтан дробится,
Звуча, как лепет райских арф.
По ветру облаком клубится
Ее зеленоватый шарф.

А дальше зеркалом серея,
Овальный отражает пруд,
Как мальчик с хлыстиком, в ливрее,
И белый пони – знака ждут... [4, с. 105].

Образ «розы», как в приведенном стихотворении, так и в других произведениях петербургского периода, «не отягощен» смыслами, это лишь часть авторских наблюдений, «зарисовок». Семантика «образа» в стихотворениях подобного толка «сужается»: сводится к детализации, к подробностям описываемого, как, например, «шарф», «фонтан», «пруд», «мальчик в ливрее», «Отсутствие» ассоциативности, «образности» поэтического слова – отличительная особенность лирики раннего Г.Иванова, что и прослеживается в примере с «розой». Поэт, по мнению Луи Аллена, был «акмеистичнее всех акмеистов».

Однако мы находим иное «звучание» образа в восточной теме «розы и соловья», актуализированной в творчестве многих поэтов и, переданной Г.Ивановым в изящной, но достаточно устоявшейся форме: соловей и роза, символизирующие пылку, но иногда безответную и несчастную любовь:

...Ах, угадать не в силах я, чего хочу,
От розы рощи, соловья – чего хочу...
Скакал я на своем коне к тебе, о любовь...
Истекши кровью, я упал на розовый снег... [4, с. 125].

В последней книге стихов Г.Иванова петербургского периода «Сады» данная тема получает свое наибольшее развитие. Фактически все стихотворения, составляющие книгу, объединены темой любви, воплощаемой автором в восточных мотивах и образах: «край Газифа», «Зюлейка», «Зарема», «розы Туркестана». Но если у раннего Г.Иванова – соловей, поющий о любви, то в стихотворении зрелого поэта «Восточные поэты пели...» (50-е годы), очевидно «новое» восприятие данной темы, определяющее совсем «другое» мироощущение автора в сравнении с петербургским периодом:

Сияла ночь Омар-Хаяму,
Свистел персидский соловей,
И *розы* заплетали яму,
Могильных полную червей... [4, с. 349].

Образ «розы», символизирующий в раннем периоде «увядание», «умирание» любви, что в какой-то мере передает романтическое настроение, становится у зрелого поэта «атрибутом» смерти. И в строках о поэте древности Омар-Хаяме, предваряющих слова о «могильных червях», «свисте соловья» (заметим, не «пении соловья»), появляются трагико-ироничные ноты, проходящие через все эмигрантское творчество поэта.

Образ «розы», «насыщающий» стихотворения, Г.Иванова метонимически заменяется автором розовой краской:

...Но тех красот желаней и милей
Мне купы прибережных тополей,
Снастей узор и розовая пена
Мечтательных закатов Клод Лоррена [4, с. 142].

Семантика розового цвета, как цвета нежности, надежды, юности, мечты традиционна. Поэтому в стихах находим: «мальчик ...розовый и невинный» «розовые дали», «розовый парижский закат». Часто встречаются различные цветовые модификации розового: «янтарно-розовый орех», «розово-серый блеск луны», «лилово-розовый туман» и т.д. Поэт «окрашивает» в розовый цвет многие предметы и явления, которые редко можно увидеть в таком цвете: «розовые звезды», «розовый голубь». Это говорит об особом мировосприятии поэта, поэта-художника.

Цветовой спектр «розы», не обозначенный в раннем периоде, расширяется в лирике периода эмиграции:

Только темная роза качнется,
Лепестки осыпая на грудь... [4, с. 310]

Определение «темная» также не дает четкого цветового представления, предполагая достаточно широкий выбор оттенков. Но в последующих стихах «темная» палитра сужается: «черная роза горя», «синей розой погибающий светит маяк». «Черную розу» принято считать символом горя, несчастья, ее появление в поздних стихах неслучайно.

Достаточно резкое изменение формы и содержания лирики Г.Иванова, обусловлено особыми автобиографическими обстоятельствами, осмыслением эмигрантского положения как личной и шире – мировой трагедии. Своеобразным поэтическим «решением», выражением данной проблемы стал лирический цикл: «... в узком, терминологическом значении, словом «цикл» обозначается жанровое образование, главный структурный признак которого – особые отношения между стихотворением и контекстом, позволяющие воплотить в системе сознательно организованных стихотворений сложную систему взглядов, целостность личности и/или мира» [7, с. 3]. Цикл стихов под заглавием «Розы» и является одним из показателей произошедших и происходящих изменений. В системе «сознательно организованных» стихотворений, путем установления взаимосвязей: заглавие и текст /метатекст, композиция (последовательность стихотворений), «лейтмотив», – образуется неразделимый контекст: каждое *отдельное* стихотворение является частью *целого*. В лирическом цикле роль заглавия актуализируется: оно «ориентирует» на общие для всего произведения тему, пафос или проблематику. Цикл стихов Г.Иванова «Розы» включает стихотворения, которые и на формальном, и на содержательном уровне, связаны с заглавием, и в совокупности воссоздают различные историко-мифологические оттенки значения символа «розы», которая: «... символизирует и небесное совершенство и земную страсть, время и вечность, жизнь и смерть, плодородие и девственность, это совершенство, завершенность, таинство жизни... красота, благодать, счастье, сладострастие...» [6, с. 275-277]. Цикл «Розы» – это «букет стихов», где каждая «роза» наделена определенной семантикой. Следует отметить, что и отдельное стихотворение, может включать несколько смысловых оттенков. С помощью образа «розы» автор создает специфическое композиционное и тематическое единство в цикле. Через заглавие цикла и содержание стихотворений выявляется, что «роза», в своем метафоричном значении, противопоставляется «мировому торжеству», что определено уже в первом стихотворении цикла, представляющему собой (конечно, несколько схематично) экспозицию цикла:

Над закатами и розами...
Наше счастье зажжено
...
Все другое – только музыка...
Бесконечное, бесплодное
Мировое торжество... [4, с. 255].

Центральная тема «мирового торжества», намеченная в первом стихотворении, последовательно разворачивается в цикле, раскрывая природу обозначенного «явления» и бессилие человека перед ним:

...Превращаясь в торжество,
Рассыпаются слова
И не значат ничего [4, с. 261].

В сумраке счастья неверного
Смутно горит торжество.
Нет ничего достоверного
В синем сиянии его... [4, с. 268].

«Мировое торжество», по Иванову, синонимично «холодной полночи», «неземному сиянию», «синему царству эфира». Это же и есть «мировое уродство» (см. поэму в прозе «Распад атома»). «Роза», «противостоящая» «мировому торжеству», символизирует прошлые радость, любовь, свет. Именно с «розовым небом», «розами на окне», «розовым сумраком» связаны строки-воспоминания о былом счастье.

Метафоричное употребление слова «роза» в данном контексте (цикле), как и во многих других лирических произведениях, связано с греческой мифологией. А точнее, с богиней зари Эос. Богиня Эос, согласно мифу, в шафранном одеянии простирает над миром свои персты, подобные лепесткам роз. У Г.Иванова находим параллель: роза – заря, – где «роза» выступает в качестве синонима «зарю». Такой вывод можно сделать, исходя из противопоставления: «закат» – «роза»: «...Над закатами и розами...». И еще несколько примеров: «Сквозь розы и ночь, снега и весну...», // «Утро было как утро – розы дождливой весны...».

В традиционном толковании одним из значений символа «розы» является «вечность». А именно «вечность» – лейтмотив творчества Г.Иванова периода эмиграции. И, хотя в текстах стихотворений, нельзя найти конкретного указания на данное значение символа, но, исходя из заглавия цикла, в стихах которого говорится о «вечности», мы можем сделать такой вывод:

...Не было измены. Только тишина
Вечная любовь, вечная весна... [4, с. 259].

Мотив «вечности» включает различные смысловые оттенки, образуя достаточно большой синонимический ряд: «весна», «воскрешение», «бесконечность», «тьма», «смерть». Некоторые из этих значений отражают значение символа «розы». Например, такие, как: воскрешение, весна, смерть. Весна, воскрешение символизируют зарождающуюся веру поэта в «новую» жизнь, так как в этой он уже не видит смысла. Но мысли о «воскрешении» – лишь мгновенная вспышка в сознании лирического героя, которое пронизано глубоким чувством безысходности и неверия во спасение, поэтому мысли о смерти, увядании не «покидают» стихов Г.Иванова. Мир рушится вокруг него, герой не может найти утешение: «Счастье выпало из рук...». И, последнее стихотворение цикла, как итог всему сказанному, окончательная развязка «событий»:

...Так сердце твое оборвется когда-нибудь – так
Сквозь розы и ночь, снега и весну... [4, 294]

Мысли о потере счастья, любви, о вечности, воскрешении, смерти являются основополагающими в цикле стихов Г.Иванова «Розы». Таков небольшой «букет роз» Г.Иванова, который устанавливается, «собирается» через проекцию заглавия. Именно заглавие предопределяет все главные смыслы, ассоциации, образы стихотворений, включенных в исследуемый цикл. Образ «розы», последовательно (от заглавия к последнему стихотворению) обретающий в цикле многозначность, является связующим звеном между отдельными стихотворениями и создает целостность всего цикла, его идейно-художественное своеобразие. Данный аспект позволяет считать «розу» лейтмотивом ивановского цикла «Розы».

В последующих циклах Г.Иванова, также примечательно символичное значение образа «розы»: «розами» «распускается война», «роза» символизирует, «сопровождает» «умирание» мира, человека, души: «С букетом роз – в печальный мир...». Образ «розы» символизирует душевное состояние лирического героя, его мироощущение:

Еще я нахожу очарованье
В случайных мелочах и пустяках,
В романе без конца и без названья,
Вот в этой розе, вянущей в руках

Мне нравится, что на ее муаре
Колышется дождинок серебро,
Что я нашел ее на тротуаре
И выброшу в помойное ведро [4, с. 383].

Роза, «выброшенная в помойное ведро», апеллирует к словам из поэмы в прозе Г.Иванова «Распад атома»: «Я хочу душевного покоя... Но душа, как взболомученное помойное ведро...» [5, с. 7]. Поэт, таким образом, дезстетизирует реальный мир в своих произведениях. Это обусловлено особым виденьем окружающей действительности. Лирический герой пытается обрести «душевный покой», но это не представляется возможным. И образ «розы», в данном контексте, становится выразителем дисгармонии бытия, воплощением «умирающей» души.

Образ «розы», «включающий» в себя различные моменты жизни лирического героя, и человеческого существования вообще, также, является символом всего творчества, затрагивая и тему поэта и поэзии, ставшую особенно актуальной в эмиграции. Поэт верит в то, что его творчество не будет забыто, что когда-нибудь его произведения будут прочтены и оценены потомками. При «отождествлении» «розы» с темой поэта и поэзии, с темой вечности, незабвенности «поэтического слова», обратимся к следующему стихотворению:

... Вдруг появляются стихи –
Вот так... Из ничего...
Все кое-как и как-нибудь,
Волшебно на авось:
Как розы падают на грудь...
– И ты мне розу брось!
Нет, лучше брось за облака –
Там рифма заблестит,
Коснется тленного цветка
И в вечный превратит [4, 331].

Образ «розы», обретающий в лирике зрелого Г.Иванова символическую многозначность, отражает и пафос его произведений. В поэзии периода эмиграции происходит «постепенное» переосмысление жизненных ценностей. Невозможность решить трагическое противоречие, возникшее между «я» и обществом, приводит к иронизации над собой и миром. Так, «розу», ставшую символом поэзии Г.Иванова, встречаем в «удачной» рифме «розы – морозы», высмеянной еще А.С.Пушкиным: «... (Читатель ждет уж рифмы розы; // На, вот, возьми ее скорей!...)». У Г.Иванова данная рифма «высмеивается вдвойне», за счет употребления названия одноименного цикла стихотворений и строки из известной народной песни:

...Тихо перелистываю «Розы» –
«Кабы не цветы да не морозы!» [4, с. 322]

Но «смех» поэта – это горький смех, сквозь слезы, отвечающий трагико-ироничному взгляду на окружающий мир. В стихотворении «Ку-ка-реку или бре-ке-ке?..» из последнего цикла «Посмертный дневник» ироничное начало «усиливается»:

...Можно о розах, можно о пне.
Можно о том, что не можется мне... [4, с. 560]

Ирония представлена в позднем творчестве поэта в различных своих ипостасях: от трагического «полюса» – в примере с «перелистыванием «Роз», – к саркастическому: «розы и пень» или: «розы и обмызганная кошка» из стихотворения «Кошка крадется по светлой дорожке...». Несоответствие внутреннего мира лирического героя (и шире – собственно автора) реальной жизни, неразрешимость трагического противоречия создают предпосылки для формирования ироничного мироощущения, что и демонстрируется на примере центрального образа ивановской лирики.

Приоритетное значение образа «розы» в лирике Г.Иванова дает возможность считать его «лейтмотивом», не только отдельно взятого цикла «Розы», но и всего поэтического творчества, отражающим, в свою очередь, творческую эволюцию автора и формирование его мировоззренческих идеалов. Этот процесс осуществляется в «переходе» от «описательной» поэзии петербургского периода к поэзии зрелого Г.Иванова, отмеченной богатством смыслов и тем. «Становление» образа «розы», в свою очередь, предвосхищает появление лирических циклов, как новой формы реализации авторского мировосприятия, что и отмечено в цикле «Розы», где образ «розы», его культурно-исторические значения, читаемы в каждом стихотворении цикла, и составляют, как тематическое ядро произведения, так и элемент авторской модели мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллен Л. «Сады» и «Розы» Георгия Иванова. – С.-Пб.: «Logos», 1993.
2. Бауер В., Дюмоц И., Головин С. Энциклопедия символов. – М.: Крон-пресс, 1995.
3. Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: Худ. лит., 1990.
4. Иванов Г. Собр. соч. в 3-х тт. – М.: Согласие, 1994. – Т.1.
5. Иванов Г. Собр. соч. в 3-х тт. – М.: Согласие, 1994. – Т.2.
6. Купер Дж. Энциклопедия символов. – М.: Золотой век, 1995.
7. Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла – Калинин, 1984.

SUMMARY

The article deals with the problem of creation and evolution of the central image ("the rose") in G.Ivanov's poetry, St. Petersburg and emigration periods of his literary work being taken into consideration.